

УДК 330.83
ББК 65.01
К20

Рецензент — профессор департамента теоретической экономики
факультета экономических наук НИУ ВШЭ
В.П. Бусыгин

К20 **Капелюшников, Р. И.** Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал [Текст] / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 574, [2] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1292-0 (в пер.).

Книга представляет собой сборник теоретических работ, публиковавшихся в 2001–2013 гг. Включенные в нее работы очень разнообразны по тематике, но строятся вокруг трех ключевых сюжетов: это — вопросы методологии; институциональная теория; концепция человеческого капитала. Первый раздел содержит интеллектуальные портреты пяти выдающихся экономистов, лауреатов Нобелевской премии — Фридриха Хайека, Рональда Коуза, Гэри Беккера, Элинора Остром и Оливера Уильямсона. В разделе, посвященном вопросам методологии, рассматриваются концепция институтов К. Поланьи, альтернативные интерпретации знаменитой теоремы Коуза, история теоретической дискуссии о QWERTY-эффектах, а также нормативная программа поведенческой экономики, известная как «новый» патернализм. В разделе, посвященном институциональной теории, наибольшее внимание уделено двум крупным проблемам — роли прав собственности и эффективности механизмов инфорсmenta. В последнем разделе обсуждаются наиболее важные вопросы, возникающие при теоретическом анализе и попытках количественного измерения человеческого капитала.

УДК 330.83
ББК 65.01

ISBN 978-5-7598-1292-0

© Капелюшников Р.И., 2016
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
------------------	---

ПЯТЬ ПОРТРЕТОВ

I. «Дорога к рабству» и дорога к свободе (Фридрих Хайек)	9
II. Рональд Коуз, или Сотворение рынков	35
III. Гэри Беккер — экономический империалист	51
IV. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике — 2009 (Элинор Остром, Оливер Уильямсон) ...	83

МЕТОДОЛОГИЯ

V. Деконструируя «классика» (заметки на полях «Великой трансформации»)	165
VI. QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии	196
VII. И еще раз — о теореме Коуза (критические заметки)	212
VIII. Новая атака на теорему Коуза	236
IX. Поведенческая экономика и «новый» патернализм	277

ИНСТИТУТЫ

X. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России)	343
XI. Что такое права собственности (очерк современной теории)	365
XII. Концентрация собственности в системе корпоративного управления: эволюция представлений	390
XIII. Собственность без легитимности?	422

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

XIV. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее?	457
XV. Сколько стоит человеческий капитал России?	513

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой сборник теоретических работ, опубликованных в 2001–2013 гг. Все они печатаются в первоначальной редакции с минимальной технической правкой.

Включенные в сборник работы разнообразны по тематике, но строятся вокруг трех ключевых сюжетов: это — вопросы методологии, институциональная теория, концепция человеческого капитала. Как надеется автор, их объединение в рамках одной книги позволит отечественному читателю получить более полное и целостное представление о ряде ведущих направлений современного экономического анализа — таких как институциональная теория, теория прав собственности, теория экономических систем, концепция человеческого капитала и др.

Темы, обсуждаемые в книге, важны как с теоретической, так и с практической точек зрения. Так, очевидно, что вопрос о правах собственности критичен для успешного развития любой экономики. Особенно актуален он для России, где регулярно появляются проекты с предложениями о пересмотре итогов приватизации. Анализ в терминах институциональной теории позволяет по-новому взглянуть на проблему легитимности крупной собственности, в частности, легитимности результатов российской приватизации.

Практически во всех современных экономиках ведущая роль принадлежит крупным корпорациям. Однако с точки зрения особенностей структуры собственности крупный бизнес разных стран устроен очень по-разному. Каков корпоративный ландшафт современной мировой экономики и как в этом контексте выглядит структура собственности российских корпораций? Ответ на этот вопрос позволяет в первом приближении представить, по какому пути пойдет дальнейшая эволюция российского крупного бизнеса.

Общепризнанно, что одним из главных моторов современного экономического роста является накопление человеческого капитала. Однако в переходных экономиках, в частности в России, процесс его накопления сопровождался серьезными деформациями. Как в российских условиях складывалось соотношение между спросом и предложением высококвалифицированной рабочей силы, обладающей большими запасами человеческого капитала? Как можно оценить объем человеческого капитала России в стоимостном выражении? Несмотря на то что о человеческом капитале говорят сегодня буквально на всех углах, в имеющейся литературе найти ответы на эти вопросы практически невозможно.

Среди российских экономистов институциональный подход очень быстро завоевал всеобщее признание, сегодня «институционалистами» являются все. Тем не менее очень многие исследователи, как показывает опыт,

имеют часто неточное и искаженное представление о принципах институционального анализа. Одна из ярких иллюстраций — непрекращающиеся попытки по «опровержению» теоремы Коуза, образующей методологический фундамент новой институциональной теории. Критический анализ этих «атак» — важная часть приобщения российской экономической науки к стандартам академических исследований, принятым сейчас в мире.

Нередко предпринимаются также попытки по изобретению различных версий «альтернативного» институционализма. Так, большой энтузиазм у некоторых отечественных социологов и экономистов вызывает концепция институтов К. Поланьи, в ней они видят альтернативу ортодоксальной экономической теории с ее «имперскими» притязаниями по отношению к смежным социальным дисциплинам. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эта альтернатива — крайне ненадежная и малопродуктивная, поскольку взгляды Поланьи являются практически полным антиподом представлениям, выработанным в рамках новой институциональной теории. В свете этих представлений она очевидным образом не выдерживает критики.

При изучении современных экономических теорий возможны два подхода — «портретный» и «тематический». В известном смысле их можно рассматривать как взаимодополняющие. Несколько глав книги посвящены оценке вклада в современную экономическую мысль выдающихся экономистов, таких как Фридрих Хайек, Рональд Коуз, Гэри Беккер, Элинор Остром и Оливер Уильямсон. У этих «портретных» глав обнаруживаются естественные переклички с «тематическими». Очевидно, что когда мы говорим о Г. Беккере, нельзя обойтись без упоминаний о человеческом капитале или экономическом империализме. Когда мы рассматриваем взгляды Р. Коуза, Э. Остром и О. Уильямсона, это неизбежно заставляет вспоминать об основных понятиях институциональной теории, трансакционном подходе, проблеме коллективных действий, теории фирмы, контрактных отношениях и т.д. Когда речь идет о Ф. Хайеке, невозможно пройти мимо проблематики прав собственности.

Таким образом, несмотря на кажущуюся мозаичность, собранные в книге работы дают комплексное представление о некоторых важнейших путях, по которым движется современная экономическая мысль.

ПЯТЬ
ПОРТРЕТОВ

I

«Дорога к рабству» и дорога к свободе*

Один из крупнейших мыслителей XX в., выдающийся экономист и социальный философ, лауреат Нобелевской премии Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — признанный классик современного обществознания. Его жизненный путь, внешне, казалось бы, ровный и бессобытийный, исполнен внутреннего драматизма: времена, когда идеи Хайека приковывали внимание научного мира, сменялись долгими годами забвения, когда о нем если и вспоминали, то лишь как об «одном из тех динозавров, что явно вопреки естественному отбору иногда случайно выползают на свет» [Науек, 1978а, р. 304].

Дело в том, что Хайек всегда был непримиримым противником интеллектуальной моды, в какие бы одежды она ни рядилась, а это не могло не сказываться на его репутации среди левой интеллигенции. Его по праву можно назвать «великим противостоятелем». Хайеку суждено было стать на «дороге» трех, быть может, наиболее влиятельных политических тенденций XX в., суливших радикальное улучшение условий человеческого существования, — социализма, кейнсианства и доктрины «государства благосостояния».

Делом чести для него стала защита «классического либерализма» — неглубокого, как считалось, прекраснородушного и давно отжившего свой век течения мысли. В утверждении философской, этической и научной значимости фундаментальных принципов либерализма, в восстановлении его авторитета после многих десятилетий господства социалистических теорий, в том, наконец, что его идеалы вновь стали силой, оказывающей все возрастающее воздействие на реальную политику самых различных стран мира, — во всем этом нельзя не видеть заслуг Ф. Хайека.

1

Ф. Хайек родился 8 мая 1899 г. в Вене. В 1917 г., еще не закончив гимназию, он был призван в армию и направлен на итальянский фронт, где провел около года и откуда вернулся больным малярией. После демобилизации он поступает в Венский университет, где в 1921 г. ему присуждается ученая степень доктора права, а в 1923 г. — доктора политических наук. Недолгое время он состоит на государственной службе, а в 1927 г. становится осно-

---

* Опубликовано как послесловие к кн.: *Хайек Ф.А. Дорога к рабству*. М.: Новое издательство, 2005.

вателем (совместно с Л. фон Мизесом) и первым директором Австрийского института экономических исследований, который под его руководством превращается в ведущий европейский центр по изучению экономических циклов. В одной из своих статей в 1929 г. Хайек первым предсказывает наступление в экономике США кризиса, получившего позднее название «Великой депрессии 30-х годов».

В 1931 г. он принимает приглашение Лондонского университета и начинает преподавать в Лондонской школе экономики. В 1930-е годы одна за другой выходят главные работы Хайека по экономической теории, которые приносят ему широкую известность в научном мире. Он завоевывает признание как один из лидеров (наряду с Л. Мизесом) так называемого неоавстрийского направления в экономической науке. В центре исследовательских интересов Ф. Хайека тех лет — проблемы экономического цикла, теории капитала и теории денег. Тогда же он оказывается главным оппонентом Дж.М. Кейнса. Выдающийся английский экономист Дж. Хикс много лет спустя отмечал: «Когда будет написана окончательная история развития экономического анализа в 1930-х годах, то главным действующим лицом этой драмы (а это была подлинная драма) окажется профессор Хайек... Было время, когда основное соперничество шло между новыми теориями Хайека и новыми теориями Кейнса. Кто был прав — Кейнс или Хайек?» [Hicks, 1967, p. 203]. В тот период победа, по общему убеждению, осталась за Кейнсом, и его идеи о необходимости государственного регулирования экономики надолго становятся программой практических действий для всех правительств западного мира.

Полемика с кейнсианством на какое-то время затихает, и Хайек обращается к спору с самым опасным, как он полагал, противником — социализмом. Он публикует «Дорогу к рабству» (1944), книгу, сыгравшую в известной мере поворотную роль в его дальнейшей судьбе. К удивлению самого Хайека, книга стала бестселлером (впоследствии она выдержала множество переизданий и была переведена почти на 20 языков мира). Она привлекла внимание многих серьезных ученых и мыслителей, вызвав сочувственные отзывы Дж. Кейнса и Й. Шумпетера, К. Ясперса и Дж. Оруэлла (влияние «Дороги к рабству» на «1984» несомненно). Но нетрудно вообразить реакцию прогрессистской интеллигенции, подвергшей Хайека самому настоящему остракизму: «...Так называемые интеллектуалы присудили его к научной смерти. В академических кругах к нему начали относиться почти как к неприкасаемому, если не как к подходящему для битья мальчику, которого ученые мужи могли разносить в пух и прах всякий раз при обнаружении, как им представлялось, “дефектов” рынка или свободного общества» [The Essence of Hayek, 1984, p. LV].

Разноречивый прием, оказанный книге, побуждает Хайека организовать в 1947 г. «Общество Мон-Пелерин», объединившее «не утративших на-

дежду» либералов из числа близких ему по духу экономистов, философов, историков, правоведов, политологов и публицистов (среди учредителей общества были, например, К. Поппер и М. Поланьи, с которыми Хайека связывали узы многолетней дружбы).

«Дорогу к рабству» можно считать водоразделом между «ранним» и «поздним» Хайеком. С середины 1940-х годов направление его научной деятельности меняется, изыскания в области экономической теории постепенно уступают место более общим исследованиям социально-философского плана. Чтобы противостоять тоталитаризму, как ясно осознает после «Дороги к рабству» Хайек, недостаточно ограничиться предупреждением о таящихся в нем опасностях — необходимо отстоять жизнеспособность позитивной программы классического либерализма, показать правовую и политическую возможность осуществления идеалов свободного общества на практике. В последующие годы он реализует намеченную научную программу, предпринимая разносторонние междисциплинарные исследования, охватывающие методологию науки и теоретическую психологию, историю и право, антропологию и экономику, политологию и историю идей.

Экономическая несостоятельность как системы централизованного планирования, так и различных моделей «рыночного социализма» выявляется в «Индивидуализме и экономическом порядке» (1948) (рус. пер. см.: [Хайек, 2000]). В «Контрреволюции науки» (1952), посвященной методологической критике холизма, сциентизма и историцизма, Хайек прослеживает интеллектуальные истоки социализма, которые возводятся им к идеям А. Сен-Симона и сложившейся вокруг него группы студентов и выпускников парижской Политехнической школы (рус. пер. см.: [Хайек, 2003]). Именно отсюда берет начало «инженерный» взгляд на общество, согласно которому человечество способно сознательно, по заранее составленному рациональному плану контролировать и направлять свою будущую эволюцию. Эта претензия разума, обозначенная позднее Хайеком как «конструктивистский рационализм», имела фатальные последствия для судеб индивидуальной свободы. (Почва для тоталитаризма XX в. была подготовлена, по его мнению, прежде всего идеями Гегеля, Конта, Фейербаха и Маркса.)

Трактат по теоретической психологии «Сенсорный порядок» (1952) раскрывает оригинальную эпистемологию Хайека (среди мыслителей, повлиявших на его подход, обычно называют Д. Юма, И. Канта, К. Менгера, Л. Витгенштейна, К. Поппера и М. Поланьи). Тема составленного им сборника «Капитализм и историки» (1954) — демифологизация истории промышленной революции в Англии. «Основной закон свободы» (1960) — труд, который многие поклонники Хайека оценивают как его *opus magnum*, — представляет собой систематическое изложение принципов классического либерализма, или «философии свободы», по его собственному определению. Трилогию «Право, законодательство и свобода» можно рассматривать

как попытку дальнейшего развития и углубления философии либерализма (первый том (1973) — «Правила и порядок», второй (1976) — «Мираж социальной справедливости», третий (1979) — «Политический строй свободного народа»).

«География» научной и преподавательской деятельности Ф. Хайека разнообразна: в 1950 г. он становится профессором социальных наук и этики Чикагского университета (США), в 1962 г. — профессором экономической политики Фрейбургского университета (ФРГ), в 1969 г. — профессором-консультантом Зальцбургского университета (Австрия), а в 1977 г. возвращается вновь во Фрейбург. 1950–1960-е годы — самая трудная полоса в жизни Хайека. Его связи с экономическим сообществом слабеют; для остального научного мира он продолжает оставаться фигурой достаточно одиозной.

Но в 1974 г. Ф. Хайеку присуждается Нобелевская премия по экономике (ему к тому времени исполнилось уже 75 лет), что для него самого явилось полной неожиданностью. Однако не только с этим связано пробуждение интереса к хайковским идеям. Кризис кейнсианской политики макроэкономического регулирования, пришедшийся на 1970-е годы, подтвердил правоту давних предостережений Хайека: следование кейнсианским рецептам привело к беспрецедентной для мирного времени глобальной инфляции в сочетании с падающими темпами роста и масштабной безработицей (феномен стагфляции). Хайек переходит в контрнаступление на кейнсианство, предпринимает усилия по возрождению неоавстрийской экономической теории. С не меньшей энергией атакует он систему неограниченной демократии и «государства благосостояния», от которой, по его убеждению, исходят новые угрозы принципам свободного общества. Широкий резонанс получают его проекты парламентской реформы и денационализации денег. Общий поворот в экономической политике стран Запада в минувшие десятилетия в немалой степени был вдохновлен идеями Ф. Хайека.

Когда Хайеку было уже глубоко за 80, вышла в свет его последняя и, можно сказать, итоговая книга — «Пагубная самонадеянность: заблуждения социализма» (1988), задуманная как своего рода манифест современного либерализма (рус. пер. см.: [Хайек, 1992]). В ней он, в частности, подробно останавливается на одном из характерных приемов, облюбованных его оппонентами-социалистами, — переименовании и извращении смысла общепотребительных понятий (этому посвящена специальная глава, которая так и называется — «Наш отравленный язык»). Подобной участи не избежал и термин, избранный Хайеком для обозначения своей политической философии, — либерализм: в США его «узурпировали» сторонники усиления государственного вмешательства в жизнь общества, по западноевропейским меркам вполне заслуживающие наименования «социалистов». Поэтому во избежание терминологических недоразумений следует помнить, что в важнейших отношениях «классический», «старомодный», «европейский»

либерализм Ф. Хайека являет собой прямую противоположность прогрессистскому (и, так сказать, «незаконнорожденному») американскому либерализму Ф. Рузвельта или Дж.К. Гэлбрейта.

Представление о своеобразном стиле мышления Ф. Хайека можно составить по его автобиографическому эссе «Два склада ума», где он выделяет мыслителей двух типов — «мастера-знатока своего предмета» (master of subject) и «головоломщика» (puzzler) [Hayek, 1978b, p. 50–56]. «Мастер» плодovit и способен удерживать в памяти великое множество фактов, он прекрасный систематизатор и интерпретатор чужих идей, красноречивый оратор, превосходный популяризатор, удачливый педагог. «Головоломщик» более сосредоточен и не так блестящ, разработки других ученых не обогащают запас его знаний, а скорее перестраивают систему его видения, его мышление носит по преимуществу невербальный характер и подчас ему с трудом дается выражение собственных теорий, нередко он к своему удивлению обнаруживает, что отдельные выдвинутые им идеи вытекают, по существу, из некоего общего взгляда на мир¹. Образ «головоломщика», как должно быть понятно, представляет собой своеобразный автопортрет Ф. Хайека.

В 1970-е годы Хайеку довелось стать свидетелем крушения кейнсианской модели государственного регулирования, в 1980-е — распада системы централизованного планирования, но ни то ни другое не было для него неожиданностью. На его глазах произошли коренные изменения в интеллектуальном климате, когда ценности классического либерализма — личная независимость и добровольное сотрудничество, частная собственность и рынок, правовое государство и ограниченное правительство — обрели как бы второе дыхание.

Скончался Ф. Хайек в 1992 г., успев стать свидетелем падения Берлинской стены и краха «реального социализма».

2

«Тяжба» Хайека с социалистами имеет давнюю историю, и началась она не с «Дороги к рабству». Еще в 1930-е годы он обратился к анализу экономических основ социализма, приняв участие в знаменитой теоретической дискуссии о возможностях системы централизованного планирования. Впоследствии он много раз возвращался к сравнительному анализу рыночных структур и сознательно организованных и централизованно управляемых структур, уточняя и углубляя свой подход.

---

¹ Среди философов выразительными примерами «мастера» и «головоломщика» Хайек считает соответственно Б. Рассела и Д. Уайтхеда, а среди экономистов — Е. Бем-Баверка и Ф. Визера.

Непосредственная тема «Дороги к рабству» — политические, нравственные и духовные последствия тоталитаризма. Собственно экономические его аспекты занимают Хайека в этой книге несколько меньше, и потому на них, пожалуй, следует остановиться особо.

В какой-то мере взяться за «Дорогу к рабству» Хайека побудили соображения практического порядка. Известно, что в периоды войн, когда государство вынуждено брать на себя многие хозяйственные функции, популярность идей планирования неизменно возрастает. В самом деле: если государство способно справляться с военными задачами, то отчего бы не наделить его еще большими полномочиями для решения проблем мирного времени? Подобный поворот событий Хайек наблюдал еще в Веймарской Германии и именно его он стремился предотвратить, публикуя «Дорогу к рабству». И его книга, по-видимому, действительно сыграла определенную роль в том, что послевоенная волна национализации, прокатившаяся по странам Запада, оказалась все же не слишком масштабной.

Какое-то время многие западные интеллектуалы левого толка были убеждены в существовании антагонизма между свободой и материальным благосостоянием. Как предполагалось, ограничение свободы в рамках системы централизованного планирования — это та жертва, которую приносит социализм ради достижения несравненно более важной цели — обеспечения достойной жизни основной массы народа. Хайек показал несостоятельность подобных представлений: свобода и благосостояние общества не противоречат, а, напротив, необходимо предполагают друг друга. Конечный его вывод однозначен: вопреки обещаниям безграничного материального изобилия централизованная система несостоятельна прежде всего экономически. Другими словами, тоталитаризм чреват не только моральной деградацией общества, но и неминуемым провалом в сфере экономики, означающим катастрофическое падение уровня жизни людей: «Спор о рыночном порядке и социализме есть спор о выживании — ни больше, ни меньше. Следование социалистической морали привело бы к уничтожению большей части современного человечества и обнищанию основной массы оставшегося» [Хайек, 1992, с. 18].

Своеобразие хайековского подхода состоит в том, что он сравнивает альтернативные социально-экономические системы с точки зрения их эпистемологических, «знаниевых» возможностей. Хайек выделяет два основных типа систем, или «порядков», если придерживаться его собственной терминологии. «Сознательные порядки» рождены разумом человека и функционируют по заранее выработанным планам, они направлены на достижение ясно различимых целей и строятся на основе конкретных команд-приказов. «Спонтанные порядки» складываются в ходе органического эволюционного процесса, они не воплощают чьего-то замысла и не контролируются из единого центра, координация в них достигается не за счет подчинения некоей

общей цели, а за счет соблюдения универсальных правил поведения. Так, к сознательно управляемым системам относятся армии, правительственные учреждения, промышленные корпорации, к самоорганизующимся и саморегулирующимся структурам — язык, право, мораль, рынок. Последние, по известному выражению А. Фергюсона, можно назвать продуктом человеческого действия, но не человеческого разума.

Сложное переплетение многих спонтанных порядков представляет собой в этом смысле современная цивилизация. В поисках адекватного термина, выражающего ее уникальный характер, Хайек обращался к понятиям «великого общества» (А. Смит) и «открытого общества» (К. Поппер), а в своей последней книге ввел для ее обозначения новый термин — «расширенный порядок человеческого сотрудничества». Его ядро составляют социальные институты, моральные традиции и практики — суверенитет и автономия индивида, частная собственность и частное предпринимательство, политическая и интеллектуальная свобода, демократия и правление права, — спонтанно выработанные человечеством в ходе культурной эволюции, без какого бы то ни было предварительного плана. Моральные правила и традиции, лежащие в основе расширенного порядка, нельзя отнести ни к сознательным, ни к инстинктивным формам поведения человека. С одной стороны, они не служат достижению каких-либо конкретных ясно осознаваемых целей, а с другой стороны, не обусловлены генетически. Они, по словам Хайека, лежат *между* инстинктом и разумом [Хайек, 1992, с. 22].

Ключевая для расширенного порядка проблема — это проблема координации знаний, рассредоточенных в обществе с развитым разделением труда среди бесчисленного множества индивидов. Разработка концепции рассеянного знания явилась крупнейшим научным достижением Ф. Хайека. В экономических процессах определяющая роль принадлежит личностным, неявным знаниям, специфической информации о местных условиях и особых обстоятельствах. Такие знания воплощаются в разнообразных конкретных умениях, навыках и привычках, которыми их носитель пользуется, порой даже не сознавая этого. (Их первостепенное значение затемняет сциентистский предрассудок, сводящий любое знание исключительно к научному, т.е. теоретическому, артикулируемому знанию.)

Рынок в понимании Хайека представляет собой особое информационное устройство, механизм выявления, передачи и взаимосогласования знаний, рассеянных в обществе. Рынок обеспечивает, во-первых, лучшую их координацию и, во-вторых, более полное их использование. В этом — решающие эпистемологические преимущества децентрализованной рыночной системы по сравнению с централизованным плановым руководством. Как же они достигаются?

В условиях расширенного порядка индивид располагает защищаемой законом сферой частной жизни, в пределах которой он вправе самостоя-

тельно принимать любые решения на свой собственный страх и риск, причем как положительные, так и отрицательные последствия его действий будут сказываться непосредственно на нем самом. Он поэтому заинтересован в учете всей доступной ему информации и может использовать свои конкретные личностные знания и способности в максимально полной мере.

Взаимосогласование разрозненных индивидуальных решений обеспечивается с помощью ценового механизма. Цены выступают как носители абстрактной информации об общем состоянии системы. Они подсказывают рыночным агентам, какие из доступных им технологий и ресурсов (включая их «человеческий капитал») имеют наибольшую относительную ценность, а значит, куда им следует направить усилия, чтобы добиться лучших результатов. Подобный синтез высокоабстрактной ценовой информации с предельно конкретной личностной информацией позволяет каждому человеку вписываться в общий порядок, координируя свои знания со знаниями людей, о существовании которых он чаще всего даже не подозревает. Рыночная конкуренция оказывается, таким образом, процедурой по выявлению, координированию и применению неявного личностного знания, рассеянного среди миллионов индивидуальных агентов.

Рынок способен интегрировать и перерабатывать объем информации, непосильный для системы централизованного планирования. И дело тут не просто в отсутствии технических возможностей (недостаточной мощности компьютеров и т.п.). Централизованное планирование сталкивается с непреодолимыми эпистемологическими барьерами. Идея социализации экономики исходит из представления, что все имеющиеся в обществе знания можно собрать воедино, так что компетентным органам останется только выработать на этой основе оптимальные решения и спустить указания на места. Это, однако, иллюзия.

Первое, с чем им придется столкнуться, — фактор времени. Пока агент передаст информацию в центр, там произведут расчет и сообщат о принятых решениях, условия могут полностью измениться и информация обесценится. Часто не сознается, что постоянное приспособление к непрерывно меняющимся условиям необходимо не только для повышения, но и для поддержания уже достигнутого жизненного уровня. Централизованное планирование, органически не способное поспевать за непрерывно происходящими изменениями, обрекает общество на замедление экономического роста, а нередко и на абсолютное сокращение его благосостояния. Кроме того, в условиях централизованной системы агент обычно не заинтересован в том, чтобы посылать вверх полные и достоверные данные. Причем такая система не дает достаточных стимулов ни для выявления уже имеющейся, ни для генерирования новой информации (отсюда — фатальные провалы в области научно-технического прогресса). Не менее важно, что основную долю экономически значимой информации составляют неявные, личност-

ные знания, в принципе не поддающиеся вербализации. Их не выразишь на языке формул и цифр, а значит, и не передашь в центр. Больше того: определенную часть своих знаний и способностей человек вообще не осознает и удостоверяется в их существовании, лишь попадая в незнакомую среду и реально приспособляясь к новым, непривычным для него условиям.

В рамках централизованного планирования огромная масса информации оказывается невостребованной, а координация поступающей — чрезвычайно неэффективной. Модель централизованной экономики, как предсказывали теоретики неоавстрийского направления, обречена на провал. В этом смогли убедиться десятки стран, где она была испробована и где она рано или поздно приводила к экономическому краху.

3

«Дорога к рабству» занимает особое место в истории изучения тоталитаризма, и не только потому, что она была одной из первых работ на эту тему. Правда, по условиям военного времени Хайек был вынужден строить анализ преимущественно на германском материале, лишь изредка касаясь опыта СССР, союзника западных держав по антигитлеровской коалиции². Но для размышлений Хайека это и не так существенно, потому что «Дорога к рабству» не относится к жанру «разоблачительной литературы»: она не раскрывает никаких жгучих тайн, не рассматривает подробно механизмов завоевания власти, не прослеживает перипетий партийной борьбы и т.д. Исторические примеры призваны иллюстрировать и подтверждать общие положения хайековского анализа.

Хотя книга была рассчитана не на профессионального читателя, Хайек, как всегда, точен в выборе и использовании терминов. Ключевым понятиям — коллективизм и тоталитаризм — придается четкий однозначный смысл: под рубрику коллективизма подводятся любые теоретические системы, стремящиеся (в противоположность либерализму) организовать все общество во имя достижения некоей единой всеподавляющей цели и отказывающиеся признать защищенную законом сферу автономии индивида; под тоталитаризмом понимаются неизбежные практические результаты осуществления коллективистских проектов, чаще всего неожиданные и для самих их творцов.

Вообще «Дорога к рабству» выделяется из других исследований по тоталитаризму, идеологически нагруженных и эмоционально насыщенных,

---

² Ф. Хайек был хорошо знаком с советской практикой строительства социализма. Так, он был редактором книги «Экономическое планирование в Советской России» (1935) известного экономиста Бориса Бруцкуса, высланного из СССР на печально знаменитом «философском пароходе».

своей аналитической тональностью. Й. Шумпетер очень точно выразил своеобразие хайкевского подхода: «Это мужественная книга: ее отличительной особенностью от начала до конца остается искренность, презирующая камуфляж и обиняки. Кроме всего прочего, это вежливая книга, в которой противникам никогда не вменяется ничего, кроме интеллектуальных заблуждений» [Schumpeter, 1946, p. 269].

Действительно, спор с интеллектуалами-социалистами Хайек ведет на их же территории. Он не подозревает их в злых умыслах и недоброжелательности, не ставит под сомнение их искренность и благородство, признает возвышенность и величие проповедуемых ими идеалов. Но тем самым он лишает их возможности произвести свой излюбленный обходной маневр: объявить дискуссию заведомо бессмысленной из-за несоотнесенности ценностных установок ее участников. Как настойчиво подчеркивает Хайек, его спор с социалистами — это спор не о ценностях, а о фактах, не об идеалах, а о последствиях, вытекающих из попыток воплотить эти идеалы в жизнь. И именно рациональная дискуссия призвана решать, насколько избранные социалистами средства отвечают намеченным ими целям и насколько совместимы между собой ценности, составляющие их символ веры. Беспристрастный анализ, считает Хайек, приводит к заключению, что цели социализма недостижимы и программы его невыполнимы: социализм несостоятелен фактически и даже логически [Хайек, 1992, с. 17].

Здесь, по-видимому, уместно напомнить о нетождественности оппозиций тоталитаризм/либерализм и авторитаризм/демократия. В первом случае речь идет о пределах государственной власти, во втором — о ее источнике. Для либерала свобода — цель и высшая ценность (в этом суть политической философии либерализма), демократия же — одно из средств для ее достижения и сохранения. История знает примеры, когда власть, приобретаемая не в результате волеизъявления всего народа (например, при наличии избирательных прав у меньшинства населения), подчинялась тем не менее верховенству права и ограничивалась жесткими конституционными рамками. И наоборот, неограниченная демократия вполне может принимать тоталитарные формы (хрестоматийный пример — приход к власти демократическим путем Гитлера). Поэтому, говоря в своей книге о «новом рабстве», Хайек, разумеется, понимает под ним не авторитарную систему правления, а тоталитарное устройство общества (хотя по большей части они оказываются тесно взаимосвязаны, точно так же как демократический строй, характеризующийся свободной конкуренцией политических сил, обычно служит естественным спутником и необходимым элементом либерального порядка, основанного на свободе конкуренции в экономической сфере и в сфере идей).

«Дорога к рабству» задумывалась как предостережение левой интеллигенции и была обращена прежде всего к сторонникам социалистической идеи, как это ясно из посвящения «социалистам всех партий». Первых чи-

тателей книги больше всего шокировало обнаружение фамильного сходства большевизма и социализма с фашизмом и национал-социализмом, хотя очень скоро такого рода сближения стали общим местом в западной литературе. Однако не это было для Хайека главным.

Замысел книги раскрывает эпиграф из Юма: «Свобода, в чем бы она ни заключалась, теряется, как правило, постепенно». Образ дороги, присутствующий в заглавии, не случаен: Хайек показывает, куда, по его мнению, ведет дорога, вымощенная благими намерениями социалистов. Вступив на нее, почти невозможно остановиться на полпути: логика событий заставляет проделать его весь до конца, пока и общество, и отдельная личность не будут поглощены государством и не восторжествует тоталитарное рабство³. Поэтому для Хайека концепции конвергенции, «третьего пути» — абсурд и самообман, но не в том смысле, что невозможно никакое временное или случайное сочетание либеральных институтов с ростками тоталитаризма. Главное с его точки зрения — куда обращен общий вектор движения, и здесь вопрос стоит «или — или»: либо к свободному обществу, либо к тоталитарному строю.

Тоталитаризм, по Хайеку, подступает постепенно и незаметно; он оказывается непреднамеренным результатом самых возвышенных устремлений самых достойных людей. Погоня за дорогими нашему сердцу идеалами приводит к последствиям, в корне отличающимся от ожидавшихся, — таков лейтмотив «Дороги к рабству». Чтобы это произошло, нужно совсем немного: поставить себе целью организовать жизнь общества по единому плану и последовательно стремиться к реализации этой цели на практике. Стоит только встать на эту дорогу — остальное довершит неотвратимая логика событий. Вслед за заменой спонтанного рыночного порядка сознательным плановым руководством неминуемо начинают рушиться одна за другой все ценностные скрепы и опоры свободного общества — демократия, правозаконность, нравственность, личная независимость, свободомыслие, что равносильно гибели всей современной культуры и цивилизации⁴.

Процесс разворачивается с неумолимой последовательностью: поскольку руководство по единому всеобъемлющему плану подразумевает, что государство вовлекается в решение необозримого множества частных технических проблем, то очень скоро демократические процедуры оказываются неработоспособными. Реальная власть неизбежно начинает сосредотачиваться в руках узкой группы «экспертов». План устанавливает иерархию

---

³ Буквальный перевод названия книги — «Дорога к крепостничеству» (serfdom). Оно было навеяно словами А. Токвиля о «новой крепостной зависимости».

⁴ Должно быть понятно, что, говоря о плане, Хайек имеет в виду не просто систему экономических заданий, но любой глобальный замысел-проект сознательного переустройства всех сфер общества.

четко определенных целей, и концентрация власти выступает необходимым условием их достижения. — Система централизованного управления, когда решения принимаются исходя из соображений выгоды в каждом отдельном случае, без оглядки на какие-либо общеобязательные стабильные принципы права, являет собой царство голой целесообразности. Твердые юридические правила и нормы сменяются конкретными предписаниями и инструкциями, верховенство права — верховенством политической власти, ограниченная форма правления — неограниченной. — Точно так же несовместимо царство целесообразности с существованием каких бы то ни было абсолютных этических правил и норм: нравственным признается все, что служит достижению поставленных целей, независимо от того, к каким средствам и методам приходится для этого прибегать. — Но так как органы власти физически не в состоянии издавать приказы по каждому ничтожному поводу, образующиеся пустоты заполняются квазипринципами квазиморали. «Квази» — потому что она предназначается для нижестоящих и ее когда угодно могут перекроить в соответствии с изменившимися условиями момента. — План неявно содержит всеобъемлющую систему предпочтений и приоритетов: он определяет, что лучше, а что хуже, что нужно, а что не нужно, кто полезен, а кто бесполезен. Устанавливая неравноценность различных людей и их потребностей, план, по сути, вводит дискриминацию, перечеркивающую формальное равенство всех перед законом: то, что по плану разрешено одним, оказывается запрещено другим. При отсутствии системы нравственных ограничений вступает в действие механизм «обратного отбора»: выживают и оказываются наверху «худшие», те, кто полностью свободен от ненужного бремени нравственных привычек и не колеблясь решается на самые грязные дела. — Иллюзией оказывается надежда интеллектуалов, что контроль государства можно ограничить экономикой, сохранив в неприкосновенности сферу личных свобод. В условиях централизованного контроля над производством человек попадает в зависимость от государства при выборе средств для достижения своих личных целей: ведь именно оно в соответствии со своими приоритетами определяет, что и сколько производить, кому какие блага предоставлять. Сужается не только свобода потребительского выбора, но и свобода выбора профессии, работы, места жительства. Это означает размывание и исчезновение защищенной законом сферы частной жизни, где человек был полновластным хозяином принимаемых решений. — Единодушие, единомыслие и единообразие поведения облегчают достижение запланированных целей. Отсюда стремление государства установить контроль не только над вещами, но и над умами и душами людей. — Общество насквозь политизируется: его членами признаются лишь те, кто разделяют установленные цели; любой человек и любое событие оцениваются по их нужности для общего дела. Несогласие с общепринятым мнением становится несогласием с государством, т.е. —

политической акцией. — Наука и искусство также ставятся на службу «социальному заказу». Все, что бесполезно — чистое искусство, абстрактная наука, — отвергается; общественные дисциплины превращаются в фабрики «социальных мифов». Наступает смерть свободного слова, свободной мысли. — Формируется новый человек — «человек единой всеобъемлющей организации», которому причастность к коллективу заменяет совесть. Происходят необратимые психологические изменения: достоинства, на которых держалось прежнее общество — независимость, самостоятельность, готовность идти на риск, способность отстаивать свои убеждения, — отмирают, потому что человек привыкает обращаться за решением всех своих проблем к государству.

Процесс «пожирания» государственным Левиафаном общества и личности идет безостановочно, до своего естественного завершения — образования тоталитарного строя. В условиях либерально-рыночного порядка государству отводится роль арбитра, следящего за соблюдением «правил игры». Усилиями социалистов оно становится одним из непосредственных участников «игры». Но кончается все тем, что государство остается вообще единственным «игроком»: «В моральном плане социализм не может не подрывать основу всех этических норм, личной свободы и ответственности. В политическом плане он раньше или позже ведет к тоталитарному правлению. В экономическом плане он будет серьезно препятствовать росту благосостояния или даже вызывать обнищание» [Найек, 1978а, р. 304].

В хайковском описании стоит выделить два принципиальных момента. Первое: фундаментом всех прав и свобод личности оказывается свобода экономическая; с ее уничтожением рушится все здание цивилизации. Второе: утверждение тоталитаризма — неизбежный результат переноса на современное общество принципов, по которым живут автономные организации типа фабрики или армии, а кровавые приметы тоталитарных режимов прямо вытекают из возвышенного и, на первый взгляд, безобидного стремления переустроить жизнь общества в соответствии с некоей единой, рациональной, наперед заданной целью.

Итак: установление тоталитарного строя, подчеркивает Хайек, не входит в сознательные замыслы проектировщиков светлого будущего; это — непредумышленное, никем не предполагавшееся следствие их попыток сознательно управлять обществом по единому плану. В свое время А. Смит показал, как благодаря «невидимой руке» рынка индивиды, движимые частным интересом, могут способствовать достижению общего блага, что является непреднамеренным и непредусмотренным итогом их деятельности. На пути к тоталитаризму действует механизм, как бы выворачивающий наизнанку принцип «невидимой руки»: здесь стремление к общему благу приводит к ситуации, которую также никто не предвидел, но которая противоположна интересам отдельного человека.

Сам Хайек относил «Дорогу к рабству» к жанру политического памфлета и рассматривал работу над ней как короткий эпизод, как временное отступление от деятельности, которую считал для себя основной, — исследований в области чистой экономической теории. Он не мог предположить, что ее публикация так сильно повлияет на его жизнь и дальнейшую профессиональную карьеру. Однако в интеллектуальной атмосфере той эпохи, когда слово «планирование» воспринималось буквально как панацея от любых социальных бед, выход в свет «Дороги к рабству» произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Хайековские издатели не рассчитывали на коммерческий успех книги и в лучшем случае надеялись продать не более 1–2 тыс. экземпляров. Вопреки их ожиданиям она сразу же превратилась в бестселлер и была полностью раскуплена всего за месяц; спрос оказался настолько велик, что и в Великобритании, и в США в течение первого же года пришлось допечатать несколько дополнительных тиражей, которые также мгновенно разошлись. Но и это не все. Макс Истмен, известнейший публицист, бывший в свое время правоверным коммунистом, подготовил для журнала «Reader's Digest» популярную версию «Дороги к рабству», изданную почти миллионным тиражом, а журнал «Look» решил даже выпустить по ее мотивам комикс! На волне этого успеха Хайека пригласили с лекционным турне в США, где ему нередко приходилось выступать перед тысячными аудиториями⁵.

Почувствовав серьезную опасность, сторонники левых взглядов — лейбористы в Великобритании, прогрессисты в США — развернули против него настоящую кампанию травли. В ход пошел стандартный набор ярлыков: его клеймили как реакционера, ненавистника демократии, ставленника финансового капитала, противника социального прогресса и т.д. С позиций сегодняшнего дня враждебность, с которой «Дорога к рабству» была воспринята подавляющим большинством ведущих интеллектуалов Запада, кажется почти неправдоподобной. Высказанные Хайеком предостережения натолкнулись на глухую стену непонимания, поскольку шли явно вразрез с духом эпохи. О глубине их неприятия свидетельствуют даже не столько публичные оценки, которыми было встречено появление книги, сколько личные признания многих его современников, не предназначавшиеся для посторонних.

В 1945 г. И. Берлин в письме из Вашингтона, где он находился на дипломатической службе, сообщал, что «еще читает этого ужасающего доктора Хайека». Известный экономист Г. Минз признавался, что смог одолеть только

---

⁵ К этому можно добавить, что сначала в гитлеровской Германии, а позднее и в социалистических странах «Дорога к рабству» стала одной из первых «самиздатских» книг, нелегально распространявшихся в машинописных копиях.

первые 50 страниц «Дороги к рабству» и что больше он переварить не в силах. А философ Р. Карнап в письме к другу Хайека К. Попперу недоумевал: «Я несколько озадачен вашим выражением признательности фон Хайеку. Сам я его книги не читал, хотя здесь в США ее много читают и обсуждают; но хвалят ее по большей части поклонники свободного предпринимательства и неограниченного рынка, тогда как все левые считают его реакционером».

Не приходится удивляться, что последствия неожиданно обрушившейся на Хайека славы оказались неоднозначными. С одной стороны, сам того не желая, он превратился из типичного кабинетного исследователя в публичную фигуру — к нему начали прислушиваться политики и проявлять интерес прессы. С другой стороны, в академических кругах его стали воспринимать скорее как публициста, чем как «чистого» ученого. По словам самого Хайека, «Дорога к рабству» полностью дискредитировала его в профессиональном отношении и стала причиной последующей многолетней изоляции в научном мире.

Выразительным примером того, как резко аргументация Хайека дискредитировала с коллективистской ортодоксией той эпохи и с каким трудом она доходила до сознания его современников, может служить реакция Дж.М. Кейнса. Этот случай представляет особый интерес не только потому, что в течение многих лет Кейнс выступал главным антагонистом Хайека (хотя личные отношения между ними всегда оставались вполне дружескими), но и потому, что он, по общему признанию, был человеком с чрезвычайно независимым и нестандартным мышлением, никогда не боявшимся идти против течения и даже находившим удовольствие в том, чтобы шокировать окружающих своими неожиданными и парадоксальными суждениями.

Кейнс прочитал «Дорогу к рабству» во время поездки на Бреттон-Вудскую конференцию и сразу же направил Хайеку подробное четырехстраничное письмо [Christiansen, 1993]. Начиналось оно так: «По моему мнению, это великолепная книга. Мы все должны быть благодарны вам, так хорошо сказавшему то, что так необходимо было сказать... В моральном и философском отношении я практически полностью согласен со всем, что в ней говорится; и не просто согласен, но и глубоко тронут ею».

Когда позднее содержание этого письма стало достоянием гласности, многочисленные поклонники Кейнса были неприятно удивлены. Однако Кейнс с первых же строк четко обозначает границы своей солидарности и ясно дает понять, что его высокая оценка относится только к моральным и философским аспектам «Дороги к рабству». Кейнс и Хайек остаются единомышленниками лишь до известного предела: хотя оба выражают готовность защищать одни и те же ценности, способы их защиты видятся им совершенно по-разному. Ответы, которые они дают на критический вопрос, что же должно составлять экономическую и институциональную основу свободного общества, оказываются далеко не одинаковыми. Так, Кейнс остался глух к хайековским доводам о врожденной неэффективности командной экономики — в своем письме он

высказывает предположение, что с чисто экономической точки зрения плановая система скорее всего окажется эффективнее рыночной. Правда, он соглашается, что для этого, вероятно, пришлось бы пожертвовать свободой, и признается, что лично ему подобная жертва кажется неприемлемой.

Хорошо известно, что Кейнс не был социалистом: сам он предпочитал, чтобы в нем видели «реалиста», продолжающего и развивающего традиции классического либерализма. Хотя он и выступал за резкое расширение экономических функций государства, для него это было всего лишь практическим способом, как можно спасти индивидуализм и избежать полного разрушения рыночной системы. Следуя этим путем, полагал Кейнс, совсем необязательно жертвовать свободой: «Я должен сказать, — обращается он к Хайеку, — что нам нужно не полное отсутствие планирования и даже не меньше планирования; на самом деле нам почти наверняка нужно больше планирования. Но это планирование должно проводиться в обществе, где возможно большее число людей — как лидеров, так и тех, кто за ними следует, — полностью разделяли бы ваши моральные убеждения».

В этом пассаже с предельной отчетливостью проступает разница в исходных социально-философских установках Кейнса и Хайека. Если для Кейнса главное, чтобы обществом руководили «хорошие люди», то для Хайека — чтобы оно регулировалось «хорошими институтами». Выбирая между «дискрецией» и «правилами», Кейнс делает ставку на первое, тогда как Хайек — на второе⁶. Кейнс был вполне искренне убежден, что пока власть находится в руках достойных людей, обладающих высокими моральными качествами, никакая проводимая ими политика (включая всеобъемлющее экономическое планирование) не сможет подорвать основ свободного общества — даже если в руках людей, лишенных морали, такая политика была бы чревата самыми катастрофическими последствиями⁷. Убежденность Кейнса заставляет усомниться, так ли уж внимательно он прочитал десятую главу «Дороги к рабству» («Почему к власти приходят худшие»), где Хайек подробно разъясняет, почему в условиях системы централизованного планирования люди, отличающиеся высокими моральными качествами, неизбежно будут проигрывать и уступать место людям, полностью свободным от каких-либо нравственных ограничений. И правда: трудно поверить, что при «плохих» институтах власть может удержаться в руках «хороших» людей.

Но свой главный упрек Кейнс высказывает в конце письма: «Я подхожу, наконец, к тому, что считаю единственным серьезным критическим замеча-

---

⁶ Впервые дилемма «дискреция или правила» была сформулирована известным американским экономистом Г. Саймонсом применительно к принципам денежной политики.

⁷ Любопытно при этом отметить, что самого себя Кейнс характеризовал как «неисправимого имморалиста».

нием по поводу вашей книги. То здесь, то там вы признаете, что суть проблемы заключается в знании границы [между допустимым и недопустимым вмешательством государства]. Вы соглашаетесь с тем, что такая граница должна где-то проходить... Но вы не даете нам никакого руководства, где же все-таки ее следует проводить. Если вы признаете, что никакие крайние варианты невозможны и что такая граница должна существовать, то исходя из вашей же собственной логики вам бы следовало ее указать».

Отчасти это упрек справедлив, но лишь отчасти. Книга Хайека с самого начала задумывалась как полемическая, как своеобразная попытка деконструкции социалистического проекта, и позитивная программа либеральной политики набросана в ней лишь эскизно. И все же нельзя сказать, что в «Дороге к рабству» контуры такой программы полностью отсутствуют.

Отправным пунктом в ее разработке можно считать хайековскую критику принципа *laissez-faire*, который традиционно считался ключевым пунктом либерального кредо. К сожалению, сводя все к вопросу о масштабах государственного вмешательства, этот принцип, по оценке Хайека, нередко приносил больше вреда, чем пользы: «Наверное, ничто так не навредило либерализму, как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолобо защищавших какое-нибудь эмпирическое правило, прежде всего *laissez-faire*» [Хайек, 2005, с. 44]. Выдвигая его на первый план, сторонники либерализма как бы изначально отдавали инициативу в руки своих противников, оставляя самим себе только возможность обороняться. Еще более существенно, что этот принцип говорил почти исключительно о том, почему государство не должно вмешиваться, но он мало что говорил о том, когда и как оно должно действовать: «Вопрос, должно ли государство “действовать” или “вмешиваться”, представляется бессмысленным, а термин *laissez-faire* вводит в заблуждение, создавая неверное представление о принципах либеральной политики... Когда государство контролирует соблюдение стандартов мер и весов (или предотвращает мошенничество каким-то другим путем), оно несомненно действует. Когда же оно допускает насилие, например, со стороны забастовочных пикетов, оно бездействует. В первом случае оно соблюдает либеральные принципы, во втором — нет» [Там же, с. 98].

По Хайеку, действительно фундаментальным следует считать вопрос не о пределах, а о характере деятельности государства. Вот почему вместо лозунга *laissez-faire* он предлагал строить либеральную программу вокруг другого, гораздо более широкого и общезначимого принципа — принципа «*правления права*» (*the rule of law*)⁸. Правление права — не свод законов, а метаправовая концепция, по позднейшему определению Хайека. Высшей

---

⁸ В русском переводе «Дороги к рабству» в качестве эквивалента этого английского словосочетания используется термин «правозаконность». Другие возможные и часто встречающиеся варианты — «законоправство», «верховенство права», «правовое государство».

инстанцией в ней провозглашается право как таковое, а его требования признаются обязательными для всех членов общества и социальных институтов, включая и органы политической власти. Этот принцип предполагает, что в обществе должны действовать универсальные долговременные «правила игры», исключающие любые формы дискриминации (как негативной, так и позитивной) и сводящие к минимуму зону произвольных действий государства: он «...ограничивает возможности правительства, не дает ему произвольно вмешиваться в действия индивидов, сводя на нет их усилия. Зная правила игры, индивид свободен в осуществлении своих личных целей и может быть уверен, что власти не будут ему мешать» [Хайек, 2005, с. 92]. По существу, принцип правления права очерчивает границы сферы частной жизни (*domain of privacy*), защищенной от вторжений как государства, так и других индивидов. В ее пределах каждый человек может принимать решения полностью по своему усмотрению и свободно экспериментировать с различными жизненными стилями.

Конечно, вопросы о характере и о масштабах деятельности государства тесно взаимосвязаны. Нетрудно убедиться, что концепция правления права накладывает довольно жесткие ограничения на возможности государственного активизма и таким образом дает достаточно четкий ответ на вопрос Кейнса о допустимых и недопустимых (с последовательно либеральной точки зрения) формах «планирования». Она требует, чтобы государство всегда и во всех случаях действовало «беспристрастно», т.е. не предоставляло никаких привилегий каким-либо группам, отраслям или регионам за счет других групп, отраслей или регионов. Отсюда — ее врожденная несовместимость с идеей централизованного планирования. Ведь для выполнения «плановых заданий» необходимо, чтобы государство изымало ресурсы у одних и наделяло ими других; чтобы оно предписывало одним делать то, что запрещено делать другим; чтобы одни получали от него поощрения за то же, за что подвергались бы санкциям другие. Разница принципиальна: если плановая система ориентирована на достижение конкретных, заранее определенных целей, то система правления права — на соблюдение абстрактных «правил игры», в рамках которых сами индивиды имеют возможность выбирать и цели, и средства для их достижения.

Впрочем, как показывает Хайек, идеал правления права не сочетается не только с собственно тоталитарными проектами переустройства общества. Он исключает также любые формы так называемой промышленной политики, смысл которой сводится к селективной поддержке государством тех или иных «избранных» отраслей, регионов или видов бизнеса. Не находится в нем места и для огромного множества частных интервенционистских мер, будь то субсидирование фермеров или установление квот во внешней торговле, учреждение государственных монополий или дифференцированные ставки налогообложения, к которым так охотно прибегают правительства едва ли не всех стран мира.

Дальнейшей разработке позитивной программы свободного общества (возможно, не без влияния замечаний, высказанных Кейнсом) посвящены главные труды Хайека позднего периода — «Основной закон свободы» и «Право, законодательство и свобода». И все же значение первой попытки, предпринятой им в «Дороге к рабству», трудно переоценить. Переориентация — от принципа *laissez-faire* к принципу правления права — позволила освободить либеральную доктрину от налета узкого экономизма, вписать ее в гораздо более широкий исторический, социальный и культурный контекст и придать ей остро современное звучание.

5

Хайек был последовательным противником историцизма — представления о том, что история человечества жестко запрограммирована на прохождение через строго определенную последовательность эпох, или стадий развития⁹. В «Дороге к рабству» он не раз возвращается к мысли, что никакой «железной поступи истории» не существует и что сама идея исторической необходимости несостоятельна, в какие бы теоретические одежды она ни рядилась.

Каково же было удивление Хайека, когда многие критики начали приписывать ему как раз то, против чего он выступал, — веру в существование неотвратимых законов истории, которым подчинено развитие человеческого общества. Из «Дороги к рабству» был вычитан тезис, получивший позднее даже специальное обозначение: *the inevitability thesis* — тезис о неизбежности. Из хайековских рассуждений будто бы следовало, что при малейшем отклонении от системы свободного предпринимательства ситуация должна становиться абсолютно безвыходной: общество начнет неудержимо катиться по наклонной плоскости, пока в конце концов не придет к запрограммированному тоталитарному финалу. Естественно, опровергнуть этот тезис не составляло большого труда — для этого было достаточно сослаться на пример тех стран, где растущее вмешательство государства в экономику не сопровождалось возникновением тоталитарных режимов, наподобие гитлеровского или сталинского. Отсюда делался вывод, что аргументация Хайека в принципе несостоятельна и все, что он говорил в «Дороге к рабству», можно не принимать всерьез.

Протесты Хайека — что его книга не пророчество, а предостережение, что дорога к тоталитарному обществу становится неотвратимой только в том случае, если мы сами мыслим тоталитарно, что смысл «Дороги к рабству» вовсе не в том, что вступив однажды на путь, ведущий к тоталитаризму, уже

---

⁹ Одним из самых откровенных историцистов был, как известно, Карл Маркс.

невозможно с него сойти, а в том, что чем дальше мы по нему заходим, тем труднее вернуться назад, — оставались неустыжанными. Мнение, что хайковские доводы о связи экономической и политической свободы противоречат очевидным фактам и потому могут рассматриваться только как курьез, сделалось общим местом, которое на протяжении десятилетий некритически воспроизводилось в сотнях монографий, статей и даже учебников.

Попытки Хайека помешать распространению этой ложной интерпретации не имели особого успеха. Почему так происходило, становится понятно на примере его переписки с П. Самуэльсоном, виднейшим представителем неокейнсианства, одним из первых лауреатов Нобелевской премии по экономике и автором самого популярного в мире учебника по экономической теории. В своей «Экономике» Самуэльсон несколько раз возвращался к обсуждению тезиса о неизбежности, чтобы в самом конце продемонстрировать его очевидную несостоятельность [Samuelson, 1980]. Убеждать в этом был призван график с индексом «политической свободы» по одной оси и индексом «экономической свободы» по другой, точки на котором представляли различные страны в разные периоды их истории. Скорее всего, Хайек считал бы достаточно неочевидной саму идею количественного измерения свободы. Но странностей в конструкции Самуэльсона хватало и без этого: никаких пояснений, как конкретно производились замеры политической и экономической свобод, в «Экономике» не давалось; из представленных в ней оценок следовало, что в гитлеровской Германии экономической свободы было примерно столько же, сколько в США образца 1953 г. или Великобритании образца 1980 г., и гораздо больше, чем в Великобритании образца 1948 г. или Швеции образца 1980 г.; но что самое поразительное — страны с плановой экономикой вообще игнорировались, как если бы их и не существовало! При взгляде на построенный таким образом график у читателя неизбежно возникало впечатление, что если между политической и экономической свободой и существует какая-то связь, то скорее отрицательная, чем положительная: чем больше одной, тем меньше другой, и наоборот. А значит, хайковскую аргументацию можно было смело считать «фактически» опровергнутой.

В начале 1980-х годов, полагая, что именно «Экономика» Самуэльсона послужила главным источником искаженных представлений о «Дороге к рабству» (что, конечно же, было преувеличением), Хайек направил ему раздраженное письмо. Он писал:

Дорогой профессор Самуэльсон,

Боюсь, что проглядывая 11-е издание вашей «Экономики» я, как мне кажется, обнаружил источник голословного утверждения о моей книге «Дорога к рабству», с которым я постоянно сталкиваюсь, которое вызывает у меня возмущение и которое я могу рассматривать только как злонамеренное искажение, с по-

мощью которого во многом и удалось дискредитировать мою аргументацию. На стр. 813 и затем 827 вы заявляете, будто я утверждаю, что «любой шаг от рыночной системы в сторону социальных реформ в рамках государства благосостояния *неизбежно* [sic] толкает нас на путь, который должен закончиться созданием тоталитарного государства» и что «всякая государственная модификация рынка *laissez-faire* *неизбежно* должна вести к политическому рабству». Для меня непостижимо, как добросовестный читатель моей книги может заявлять это, когда с первого же ее издания, буквально в самом начале, я говорю: «Не настаиваю я и на неизбежности того или иного пути. (Если бы дело обстояло так фатально, не было бы смысла это писать.) Я утверждаю, что можно обуздать определенные тенденции, если вовремя дать людям понять, на что реально направлены их усилия», а двумя страницами раньше поясняю: «Хотя нам предстоит еще долгий путь, надо отдавать себе отчет, что с каждым шагом будет все труднее возвращаться назад». Полагаю, заглянув в мою книгу еще раз, вы должны будете признать, что ваше заявление абсолютно безосновательно и что оно, вероятно, стало главной причиной того предубеждения, которое помешало многим принимать мои доводы всерьез. Боюсь, я не в состоянии относиться к этому спокойно. Создав этот миф, вы нанесли такой большой ущерб развитию общественной мысли, что я вынужден настаивать на вашем публичном отказе от своих слов и публичном извинении в такой форме, при которой оно оказалось бы соразмерно масштабам распространения вашей книги.

Искренне ваш, Ф.А. Хайек.

В ответ Самуэльсон направил чрезвычайно любезное письмо, где выражал готовность внести необходимые поправки и заверял Хайека в своем неизменном и глубоком уважении:

Я сожалею, что в своем кратком обсуждении в «Экономике» мне не удалось должным образом передать ваши взгляды, изложенные в «Дороге к рабству». Я с восхищением отношусь к вам как экономисту, социальному философу, ученому с широкой эрудицией и просто как к личности. Когда вскоре я приступлю к подготовке 12-го издания своего учебника, я обязательно перечитаю «Дорогу к рабству» с вашим письмом в руках. И постараюсь сделать все, что в моих силах, и так переработать все относящиеся к ней комментарии, чтобы они правильно отражали смысл того, что вы собирались сказать. Предыдущая фраза представляет то, что можно считать моим стандартным ответом любому автору, жалующемуся, что я неточно отразил его мысли. Но поскольку вдобавок за долгие годы я так много почерпнул из ваших работ, то приложу особые усилия к тому, чтобы наилучшим образом изложить ваш тезис.

Заканчивалось письмо Самуэльсона следующим признанием:

Мне приятно сознавать, что хайековский мессидж получает все более широкое признание в профессиональном сообществе экономистов. И хотя Моисею не было дано вступить в землю обетованную, я надеюсь, что в наступившие 1980-е годы

Фридрих Хайек может не без некоторого удовлетворения признать, что ему удалось избежать участи, постигшей Кассандру, — ясно видеть и понимать, что мир не услышал обращенных к нему предостережений.

Поучителен финал этой истории. При следующем переиздании «Экономики» Самуэльсон убрал из основного текста прямые ссылки на тезис о неизбежности, хотя и оставил упоминание о нем в пояснениях к своему графику [Samuelson, Nordhaus, 1985]. Сам график также претерпел изменения — на нем появились точки, представляющие ГДР и СССР. Правда, странностей от этого стало ненамного меньше — по Самуэльсону получалось, что с точки зрения экономической свободы ФРГ середины 1980-х годов была ближе к гитлеровской Германии, чем к современным США; что в дореволюционной России экономика была гораздо менее свободной, чем при нацистском режиме в Германии или при коммунистических режимах в ГДР и СССР в 1985 г.; и т.д. И все же теперь график наводил на несколько иную мысль — что никакой связи между политической и экономической свободой просто не существует. Отсутствие такой связи, по мнению Самуэльсона, должно вселять оптимизм: «...наше прочтение истории, — заключал он, — является более осторожным, но и более оптимистичным, чем хайековское. Нет сомнений, что тоталитарные режимы способны подавлять как экономическую, так и политическую свободу. Но современная демократия, действующая с осмотрительностью и разумно применяющая накопленный опыт, может взять лучшее из обоих миров. Ей под силу исправить худшие недостатки рыночной экономики. И в то же время она может сохранить все то лучшее, что никогда не измерить никаким ВВП: свободу слова, свободу меняться и свободу строить жизнь по собственному выбору» [Ibid., p. 779].

Остается добавить, что из всех последующих переизданий «Экономики» упоминания о хайековской «Дороге к рабству» вообще исчезли...

6

По признанию Ф. Хайека, он долго ждал, но так и не дождался от социалистов рационального ответа на свои аргументы. На Западе гипноз идеи централизованного планирования рассеялся уже к концу 1940-х годов, хотя для ее окончательного ниспровержения понадобилось несколько десятилетий опыта «реального социализма». Отсюда, однако, не следует, что предостережения Хайека утратили силу.

Дело в том, что когда он писал «Дорогу к рабству», идея социализма связывалась со вполне определенной программой действий — обобществлением средств производства и централизованным управлением ими. В послевоенный период этот «горячий», по терминологии Хайека, социализм начал постепенно вытесняться «холодным» социализмом — «мешаниной

из взаимопротиворечивых и во многом непоследовательных идеалов... под маркой “государства всеобщего благосостояния” [Хайек, 2005, с. 16]. Здесь уже речь идет не о социализации экономики, а об установлении «справедливого» распределения доходов с помощью налоговых рычагов и разного рода социальных программ, организуемых и финансируемых государством. Иными словами, под некую идеальную схему подводится не процесс производства (как в первоначальном социалистическом проекте), а структура распределения. Распространена точка зрения (собственно, ее и выражал в своем учебнике П. Самуэльсон), что социализм шведского образца с развитыми институтами «государства благосостояния» опроверг тезис Хайека о государственном интервенционизме как пути соскальзывания к тоталитарному строю. Однако, как был убежден Хайек, отказ от планомерной всеобъемлющей ломки всего общественного устройства в пользу постепенного и бессистемного разрастания государственного регулирования хоть и делает движение к тоталитаризму более медленным и окольным, но не отменяет его.

В своих позднейших работах Хайек уделяет много места полемике с идеологией «государства благосостояния». С его точки зрения, намеченная цель — достижение справедливой структуры распределения благ — сама по себе иллюзорна. В рамках рыночного порядка понятие социальной, или распределительной, справедливости в принципе лишено смысла. Оно наполняется реальным содержанием только в условиях централизованной экономики, где некий орган определяет долю совокупных благ, причитающуюся каждому члену общества, так что погоня за миражом «социальной справедливости» как раз и может привести к постепенному формированию подобной системы. Сочетание «государства благосостояния» с господством неограниченной демократии, предупреждал Хайек, резко повышает опасность постепенного «вползания» в тоталитарное общество.

В случае «холодного» социализма государство указывает производителям не столько на то, что им следует делать (как при централизованном планировании), сколько на то, чего им делать нельзя. Но эти указания могут воплощаться в такую плотную сеть административных регламентаций и монопольных структур, что созидательные силы рыночного порядка окажутся парализованы.

Но главное даже не в этом: чтобы добиться желательной структуры распределения, государство должно прибегать к контролю над ценами и доходами, устанавливая налоговые послабления и финансировать программы социальной помощи, направленные на поддержание или повышение уровня благосостояния определенных групп. Но вслед за этим оно начинает испытывать давление, исходящее от других групп, стремящихся к получению аналогичных преимуществ; стоит только освободить от налогов предпринимателей одной отрасли, того же потребуют для себя предприниматели смежных отраслей; стоит только выделить помощь одному региону, на то же станут претендовать соседние регионы и т.д.

Инерция безостановочного разрастания «государства благосостояния» настолько велика, что с определенного момента рыночный порядок может перерождаться в промежуточную структуру, именуемую Хайеком «корпоративной», или «синдикалистской», системой. Раздираемая изнутри бесконечными распределительными конфликтами, она предстает в отличие от рыночной экономики не как игра с положительной, а как игра с нулевой суммой. Государство здесь уже достаточно властно, чтобы подавлять свободу отдельного человека, но недостаточно могущественно, чтобы противостоять давлению сплоченных групп, объединенных отраслевыми, профессиональными или политическими интересами. Это как бы непрекращающаяся гражданская война, пусть и ведущаяся (пока) мирными средствами. По достижении такого состояния, как показано в «Дороге к рабству», движение в сторону тоталитарного общества становится практически неуправляемым. И рыночный порядок, и тоталитарный строй представляют собой относительно устойчивые образования; в отличие от них корпоративная система — образование крайне нестабильное и неупорядоченное. Она не способна просуществовать сколько-нибудь долго, и переход от нее к тоталитарному строю в первое время ощущается большинством населения как явное благо. Интересно отметить, что, по мнению некоторых новейших историков, в Веймарской республике был осуществлен один из самых ранних опытов по созданию «государства благосостояния» (задолго до того, как появился сам термин), и именно это сделало ее практически неуправляемой¹⁰. Система неограниченной демократии имеет тенденцию превращаться в арену торга привилегиями и перераспределительными программами между организованными группами со специальными интересами и политиками, борющимися за привлечение голосов избирателей.

Доходы многих групп начинают отныне определяться не рынком, а ходом политического процесса. Каждая группа настаивает, чтобы ее вознаграждение соответствовало тому, чего она, по ее собственному мнению, «заслуживает», — т.е. чтобы оно не расходилось с ее представлением о «справедливом» доходе: «Всемогущая демократия фактически неизбежно ведет к своего рода социализму, но к социализму, которого никто не хочет... не оценка заслуг отдельных лиц или групп большинством (потребителей на рынке. — *Р. К.*), но мощь этих лиц или групп, направленная на выбивание из правительства особых преимуществ, — вот что определяет теперь распределение доходов» [Наyek, 1978a, p. 307]. Неспособность правительства в услови-

---

¹⁰ К этому стоит добавить, что многие трудности, с которыми пришлось столкнуться бывшим социалистическим странам при переходе к рынку, были напрямую связаны с тем, что к моменту крушения плановой системы в них, по удачному выражению Я. Корнаи, было сформировано «преждевременно зрелое государство благосостояния» (premature welfare state).

ях неограниченной демократии противостоять требованиям организованных групп в конечном счете делает общество неуправляемым: «...никакое жизнеспособное общество не в состоянии вознаграждать каждого в соответствии с его самооценкой. Общество, в котором все выступают как члены организованных групп с целью понуждать правительство оказывать им поддержку в получении того, что им хочется, саморазрушительно» [Ibid.].

В то же время Хайек специально подчеркивал, что его предостережения не следует понимать как призыв к отказу от любых возможных новаций и экспериментов в социальной сфере. Легко убедиться, что практические предложения, выдвинутые им в «Дороге к рабству», перекликаются со некоторыми программами, которые принято объединять под рубрикой «государства благосостояния». И хотя позднее сам Хайек расценивал часть своих предложений как неоправданную уступку господствующим представлениям и признавался, что в тот период еще не полностью избавился от многих интервенционистских предрассудков, он тем не менее никогда не отрицал, что отдельные реформы в рамках «государства благосостояния» имеют достойные цели и могут быть успешно осуществлены на практике [Хайек, 2005, с. 16–17]. И в этом не было непоследовательности или измены принципам: в конце концов Хайек всегда настаивал на том, что рыночная система способна успешно функционировать только при наличии адекватной институциональной рамки.

Вместе с тем он в отличие от многих ясно видел, что за лозунгами «государства благосостояния» скрывается множество элементов прежнего социалистического наследия, несовместимых с сохранением свободного общества (таких, например, как требование добиться строго определенной структуры распределения доходов в соответствии с некими мифическими критериями «социальной справедливости»). Поэтому, предупреждал Хайек, мы должны быть очень осторожны при выборе как целей, так и средств, чтобы не соблазниться коллективистскими рецептами, сулящими быстрый и легкий успех, и не загнать себя в ситуацию, из которой потом будет почти невозможно выбраться.

Особое внимание Хайек обращал на неизбежные сдвиги в психологии людей, когда они приучаются пользоваться патерналистскими благодеяниями, которыми оделяет их государство. Он опасался, что новые поколения, воспитанные на идеалах «государства благосостояния», утратят понимание смысла и значения рыночных институтов и начнут рассматривать их как помеху, которую необходимо устранить. И тогда привычка к зависимости от государства, утрата предпринимательского духа, ослабление личной инициативы и ответственности в какой-то момент могут подтолкнуть к настолько кардинальным изменениям политической системы, что «холодный» социализм станет мало отличим от «горячего».

В отличие от оценки системы централизованного планирования, предостережения Хайека по поводу роста «государства благосостояния» долгое

время не принимались всерьез. Развитие социальной инфраструктуры рассматривалось как очевидное и безусловное благо. Лишь в 1980-е годы последствия ее непомерного разрастания были наконец осознаны. Судя по множющимся проектам приватизации «государства благосостояния», он, похоже, и в данном случае оказался дальновиднее своих прогрессистских критиков.

* * *

Как уже говорилось, основной тезис «Дороги к рабству» нередко понимался в том смысле, что достаточно любого незначительного вмешательства государства в жизнь общества, чтобы перспектива установления тоталитарного режима стала неизбежной. Но Хайек хотел сказать своей книгой вовсе не это. Английская пословица, которую он любил приводить, гласит: «Кто не совершенствует своих принципов, тот попадает в лапы к дьяволу». Движение к тоталитаризму оказывается неотвратимым, когда условия существования либерально-рыночного порядка слепо принимаются как данность и игнорируются лежащие в его основе исходные принципы, постоянно нуждающиеся в осмыслении, защите и дальнейшем развитии. По Хайеку, нельзя противостоять тоталитаризму, пребывая на одном и том же месте: для этого необходимо двигаться вперед — к свободе.

ЛИТЕРАТУРА

- Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.
- Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
- Хайек Ф.А.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.
- Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.
- Christiansen G.B.* What Keynes Really Said to Hayek about Planning // Challenge. 1993. Vol. 36. No. 4. P. 50–53.
- The Essence of Hayek / ed. by Ch. Nishiyama, K.R. Leube. Stanford (CA): Hoover Institution Press, Stanford University, 1984.
- Hayek F.A.* Socialism and Science // New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. Chicago: Chicago University Press, 1978a.
- Hayek F.A.* Two Types of Mind // New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. Chicago: Chicago University Press, 1978b.
- Hicks J.* Critical Essays in Monetary Theory. Oxford: Oxford University Press, 1967.
- Schumpeter J.* Review of “The Road to Serfdom” by F.A. Hayek // The Journal of Political Economy. 1946. Vol. 54. No. 2. P. 269–270.
- Samuelson P.A.* Economics. 11th ed. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1980.
- Samuelson P.A., Nordhaus W.D.* Economics. 12th ed. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1985.

Kapeliushnikov, R. I. Economic Essays: Methodology, Institutes, Human Capital [Text] / R. I. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : HSE Publishing House, 2016. — 574, [2] p. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1292-0 (hardcover).

The monograph consists of studies prepared and published in 2001–2013. While covering very diverse theoretical issues they focus on three key subjects — methodology of economic analysis; institutional economics; human capital. The first part includes a series of intellectual portraits of five Nobel laureates — Fridrich Hayek, Ronald Coase, Gary Becker, Elinor Ostrom and Oliver Williamson. The second part examines various methodological issues — an institutional approach proposed by K. Polanyi; alternative interpretations of the Coase theorem; a history of debates around QWERTY-effect; the normative program of behavioral economics known as a “new” paternalism. In the next part fundamental institutional problems are discussed such as an economic role of property rights and effectiveness of enforcement. The last part explores issues associated with theoretical analysis and quantitative measurements of human capital.

Научное издание

Капелюшников Ростислав Исаакович

Экономические очерки:
Методология, институты, человеческий капитал

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *М.С. Ковалева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 06.05.2016. Формат 70×100 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 46,8. Уч.-изд. л. 36,7
Тираж 500 экз. Изд. № 1864

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (495) 988-63-76,
тел./факс: 8 (496) 726-54-10